

Литературная газета

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ПОД РЕДАКЦИЕЙ **Ф. БАГРИЦКОГО**, **А. БОЛОТНИКОВА**,
М. КОЛЬЦОВА, **В. ЛИДИНА**, **А. СЕЛИВАПОВСКОГО**, **П. СЕЛЬВИНСКОГО**,
М. СУБОПКОГО, **М. СЕРЕБРЯНСКОГО**, **М. ЧАРНОГО**, **Е. УСИВЕНЧУ**

№ 161 (477)

2 ДЕКАБРЯ 1934 ГОДА

ВЫХОДИТ ЧЕРЕЗ ДЕНЬ

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ СООБЩЕНИЕ

1 ДЕКАБРЯ, В 16 ЧАСОВ 30 МИНУТ, В ГОРОДЕ ЛЕНИНГРАДЕ, В
ЗДАНИИ ЛЕНИНГРАДСКОГО СОВЕТА (БЫВШИЙ СМОЛЬНЫЙ) ОТ РУ-
КИ УБИЙЦЫ, ПОДОСЛАННОГО ВРАГАМИ РАБОЧЕГО КЛАССА, ПОГИБ
СЕКРЕТАРЬ ЦЕНТРАЛЬНОГО И ЛЕНИНГРАДСКОГО КОМИТЕТОВ ВКП
(большевиков) И ЧЛЕН ПРЕЗИДИУМА ЦИК СССР ТОВАРИЩ
Сергей Миронович КИРОВ

СТРЕЛЯВШИЙ ЗАДЕРЖАН. ЛИЧНОСТЬ ЕГО ВЫЯСНЯЕТСЯ.

На боевом посту погиб товарищ КИРОВ

ОТ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ (большевиков)

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВКП (БОЛЬШЕВИКОВ) С ВЕЛИКИМ ПРИ-
СКОРБИЕМ ИЗВЕЩАЕТ ПАРТИЮ, РАБОЧИЙ КЛАСС И ВСЕХ ТРУДЯ-
ЩИХСЯ СОЮЗА ССР И ТРУДЯЩИХСЯ ВСЕГО МИРА, ЧТО 1 ДЕКАБРЯ В
ЛЕНИНГРАДЕ ОТ ПРЕДАТЕЛЬНОЙ РУКИ ВРАГА РАБОЧЕГО КЛАССА
ПОГИБ ВЫДАЮЩИЙСЯ ДЕЯТЕЛЬ НАШЕЙ ПАРТИИ, ПЛАМЕННЫЙ, БЕС-
СТРАШНЫЙ РЕВОЛЮЦИОНЕР, ЛЮБИМЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ БОЛЬШЕ-
ВИКОВ И ВСЕХ ТРУДЯЩИХСЯ ЛЕНИНГРАДА, СЕКРЕТАРЬ ЦЕНТРАЛЬ-
НОГО И ЛЕНИНГРАДСКОГО КОМИТЕТОВ ВКП (БОЛЬШЕВИКОВ), ЧЛЕН
ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП (Б) ТОВАРИЩ СЕРГЕЙ МИРОНОВИЧ
КИРОВ.

ПОТЕРЯ ТОВАРИЩА КИРОВА, ЛЮБИМОГО ВСЕЙ ПАРТИЕЙ И ВСЕМ
РАБОЧИМ КЛАССОМ СССР, КРИСТАЛЛЬНО ЧИСТОГО И НЕПОКОЛЕБИМО-
СТОЙКОГО ПАРТИЙЦА, БОЛЬШЕВИКА-ЛЕНИНЦА, ОТДАВШЕГО ВСЮ
СВОЮ ЯРКУЮ, СЛАВНУЮ ЖИЗНЬ ДЕЛУ РАБОЧЕГО КЛАССА, ДЕЛУ КОМ-
МУНИЗМА, ЯВЛЯЕТСЯ САМОЙ ТЯЖЕЛОЙ ПОТЕРЕЙ ДЛЯ ВСЕЙ ПАРТИИ
И СТРАНЫ СОВЕТОВ ЗА ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ.

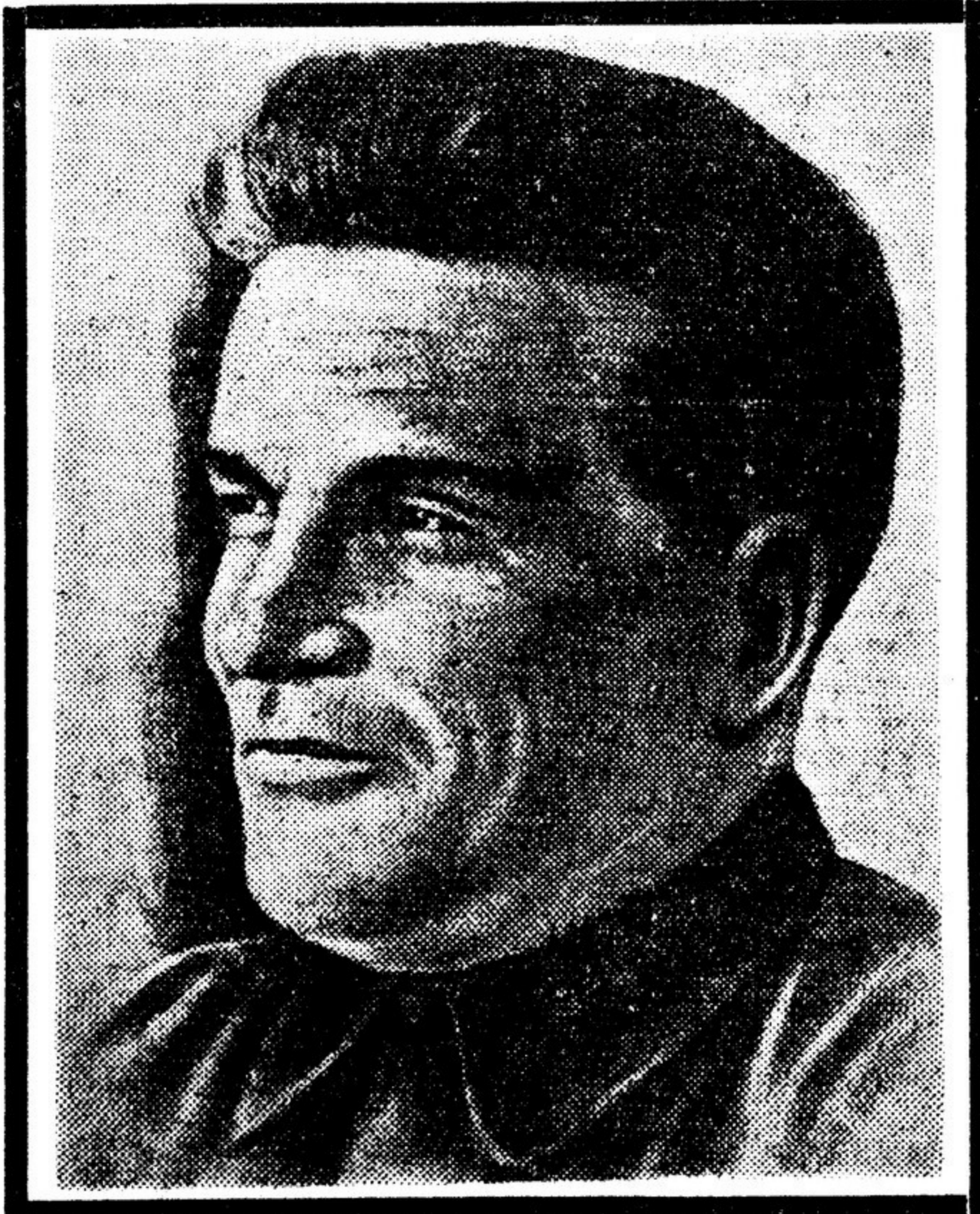
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВЕРИТ, ЧТО ПАМЯТЬ О ТОВАРИЩЕ КИ-
РОВЕ, СВЕТАМИ ПРИМЕР ЕГО БЕССТРАШНОГО НЕУТОМИМОГО БОРЬБЫ
ЗА ПРОЛЕТАРСКУЮ РЕВОЛЮЦИЮ, ЗА СТРОИТЕЛЬСТВО СОЦИАЛИЗМА В
СССР БУДУТ ВОДОХВЛЯТЬ МИЛЛИОНЫ ПРОЛЕТАРИЕВ И ВСЕХ ТРУДЯ-
ЩИХСЯ НА ДАЛЬНЕЙШУЮ БОРЬБУ ЗА ТОРЖЕСТВО СОЦИАЛИЗМА,
ЗА ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ ИСКОРЕНЕНИЕ ВСЕХ ВРАГОВ РАБОЧЕГО КЛАССА.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВСЕСОЮЗНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
ПАРТИИ (БОЛЬШЕВИКОВ).

СЕРГЕЙ МИРОНОВИЧ КИРОВ

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Член Политбюро
Центрального Ко-
митета ВКП(б), се-
кретарь Централь-
ного и Ленинград-
ского Комитетов
партии, старый
большевик, член
партии с 1904 г.,
Сергей Миронович
Киров (партийная
кличка Сергей,
Серж, Костриков)
родился в 1886 г.
в г. Уржуме, Ват-
ской губ. В Ур-
жуме тов. Киров
окончил начальную
школу, а затем го-
родское училище.
Учился хорошо и
по окончании смог
поступить в Казан-
ское механико-
техническое учил-
ище. Еще в Уржуме,
куда парское
правительство по-
слало революцион-
еров, Сергей Ми-
ронович познакомил-
ся с политически-
ми ослынами, ко-
торые стали его
подлинными пер-
выми учителями.
С ними тов. Киров
поддерживал связи,
учась в Базани.

байджаном и мень-
шевицкой Грузии.
Советское пра-
вительство назна-
чает товарища Ки-
рова полномочным
представителем в
РСФСР в Тифлисе.
Через некоторое
время Сергей Ми-
ронович получает
новое ответствен-
ное поручение —
участвовать в ка-
честве члена со-
ветской делегации
в переговорах с
Польшей в Гамбурге.
Затем — снова
партийная работа
на Северном Кав-
казе, потом в Аз-
ербайджане. Здесь
товарищ Киров ра-
ботает в качестве
секретаря Цент-
рального Комитета
Азербайджанского
коммунистического
партии и члена За-
кавказского Крае-
вого Комитета
ВКП(б). Товарищу
Кирову — выдаю-
щемуся партийно-
му руководителю
— принадле-
жит немало заслуг
в создании и ук-
реплении совет-
ской власти на Се-
верном Кавказе и в
Закавказье. Ба-
ланский пролетарий
любил своего руково-
дителя, друга,
товарища Кирова.

Нашу партию постигло большое несчастье. 1 декабря от руки зло-
дей-убийцы, подосланного классовыми врагами, погиб товарищ КИРОВ.
Не только для нас — его близких друзей и товарищей, но для всех,
знавших его по революционной работе, знавших его как бойца, товари-
ща и друга, смерть КИРОВА является ничем невозвратимой утратой.
От руки врага погиб человек, который всю свою яркую жизнь
отдал делу рабочего класса, делу коммунизма, делу освобождения че-
ловечества.

Товарищ КИРОВ представлял из себя образец большевика, не знавшего
страха и трудностей в достижении великой цели, поставленной
партией. Его прямота, железная стойкость, его изумительные качества
вдохновенного трибуна революции сочетались в нем с той сердечностью
и мягкостью в личных товарищеских и дружеских отношениях, с той
лучистой теплотой и смирностью, которые присущи настоящему пе-
ленинцу.

Товарищ КИРОВ работал в разных частях Союза ССР и во времена
подполья и после Октябрьской революции, — в Томске и Астрахани, во
Владикавказе и Баку — и всюду он высоко держал знамя партии и
завоевывал для дела партии миллионы трудящихся своей неутомимой,
энергичной и плодотворной работой революционера.

Последние девять лет товарищ КИРОВ руководил организацией на-
шей партии в городе Ленина и Ленинградской области. В кратком
скорбном письме нет возможности дать оценку его деятельности среди
трудящихся Ленинграда. Трудно было бы найти в нашей партии бо-
лее подходящего руководителя для рабочего класса Ленинграда, так
учено славящего всех партийцев и весь рабочий класс вокруг партии.
Он создал во всей ленинградской организации ту атмосферу больше-
вистской организованности, дисциплины, любви и преданности делу
революции, коммунки, которую отличал сам товарищ КИРОВ.

Ты был близок всем нам, т. Киров, как верный друг, любимый то-
варищ, надежный соратник. До последних дней своей жизни и борьбы
мы будем вспоминать тебя, дорогой друг, и будем чувствовать горечь
нашей утраты. Ты был всегда с нами в годы тяжелых боев за торжество
социализма в нашей стране, ты был с нами всегда в годы колебаний
и трудностей внутри нашей партии, ты пережил с нами все трудности
последних лет и мы потеряли тебя в момент, когда наша страна
достигла великих побед. Во всей этой борьбе, во всех наших дости-
жениях много твоей доли, много твоей энергии, силы и пламенной любви
к делу коммунизма.

Прощай, наш дорогой друг и товарищ Сергей!
И. СТАЛИН
С. ОРДЖОНИКИДЗЕ
В. МОЛОТОВ
М. КАЛИНИН
К. ВОРОШИЛОВ
Л. КАГАНОВИЧ
А. МИКОЯН
А. АНДРЕЕВ
В. ЧУБАРЬ
А. ЖДАНОВ
В. КУБИШЕВ
Я. РУДЗУТАК
С. КОСЮР
П. ПЕТУШКОВ
Г. ПЕТРОВСКИЙ
А. ЕНУКИДЗЕ
Е.М. ЯРОСЛАВСКИЙ
Н. ЕЖОВ.

Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР с глубокой печалью
извещает рабочих и работниц, колхозников и колхозниц и всех тру-
дящихся Союза ССР, что 1 декабря, в 16 час. 30 мин. в гор. Ленин-
граде от руки убийцы, врага советской власти, погиб член прези-
диума ЦИК Союза ССР

Т. КИРОВ Сергей Миронович
ПРЕЗИДИУМ ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИ-
ТЕТА СОЮЗА ССР.

ОТ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СССР

Совет Народных Комиссаров Союза ССР с глубокой скорбью
извещает рабочих, крестьян и всех трудящихся Союза ССР, что 1 дека-
бря в Ленинграде от предательской руки подосланного врагами ра-
бочих и крестьян убийцы погиб пламенный и самоотверженный бо-
рец за дело рабочего класса, за дело коммунизма член Политбюро и
Секретарь Центрального и Ленинградского Комитета ВКП (больше-
виков), член Президиума ЦИК Союза ССР.

Сергей Миронович КИРОВ.

Совет Народных Комиссаров твердо уверен в том, что жизнь сла-
вного большевика, одного из лучших руководителей нашей партии и
страны, товарища КИРОВА будет для всех пролетарских революци-
онеров примером борьбы с врагами трудящихся за дело пролетарской
революции, за победу коммунизма.

СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СОЮЗА ССР.

Московский Областной и Городской Комитеты ВКП(б) с глубокой скорбью извещают московских большевиков, пролетариев и трудя- щихся, что от руки убийцы, подосланного врагами рабочего класса, погиб любимый руководитель трудящихся и большевиков Ленинграда, выдающийся руководитель нашей партии, верный соратник т. Ста- лина в борьбе за ленинизм, за дело рабочего класса, за торжество коммунизма

тов. КИРОВ СЕРГЕЙ МИРОНОВИЧ.

Московский Областной и Городской Комитеты партии от имени мо-
сковских большевиков, рабочих и трудящихся, скорбят вместе со
всей партией, со всей страной, в этот час тяжелой утраты заявляют,
что еще крепче сплотятся вокруг Ленинского Центрального Комитета
для дальнейшей борьбы с врагами рабочего класса, за победу со-
циализма во всем мире.

МОСКОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ И
ГОРОДСКОЙ КОМИТЕТЫ ВКП(б).

Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров РСФСР с глубокой скорбью извещают рабо- чих, колхозников и всех трудящихся РСФСР о смерти члена ВЦИК — секретаря Ленинградского Областного комитета ВКП(б)

тов. Сергея Мироновича КИРОВА

погибшего от руки врага советской власти.
Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет и Совет
Народных Комиссаров РСФСР выражают уверенность, что в ответ
на удар классового врага рабочие, колхозники и все трудящиеся
нашей страны еще крепче сплотятся вокруг коммунистической
партии и советской власти за победу коммунизма.

ПРЕЗИДИУМ ВСЕРОССИЙСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО
ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА.
СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ РСФСР.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ СОВЕТ РАБОЧИХ, КРЕСТЬЯНСКИХ И КРАС- НОАРМЕЙСКИХ ДЕПУТАТОВ С ГЛУБОКОЙ СКОРБИЮ ИЗВЕЩАЕТ РАБОЧИХ, РАБОТНИЦ И ВСЕХ ТРУДЯЩИХСЯ ГОРОДА ЛЕНИНА О СМЕРТИ РУКОВОДИТЕЛЯ ЛЕНИНГРАДСКИХ БОЛЬШЕВИКОВ И ЛЕНИНГРАДСКОГО ПРОЛЕТАРИАТА, ЧЛЕНА ПРЕЗИДИУМА ЛЕ- НИНГРАДСКОГО СОВЕТА

Сергея Мироновича КИРОВА

ПАВШЕГО НА БОЕВОМ ПОСТУ ОТ РУКИ КЛАССОВОГО ВРАГА
1 ДЕКАБРЯ 1934 ГОДА.
ПАРТИЯ, РАБОЧИЙ КЛАСС, КОЛХОЗНОЕ КРЕСТЬЯНСТВО СО-
ВЕТСКОГО СОЮЗА И ТРУДЯЩИЕСЯ ЛЕНИНГРАДА ПОТЕРЯЛИ
КРУПНЕЙШЕГО ДЕЯТЕЛЯ НАШЕЙ ПАРТИИ, БЕЗЗАВЕТНОГО И
ДО КОНЦА ВЕРЯ ПРЕДАВШЕГО НЕУТОМИМОГО БОРЦА ЗА КОММУ-
НИЗМ, ГОРЯЧО ЛЮБИМОГО СЕРГЕЯ МИРОНОВИЧА КИРОВА.
ПУСТЬ СВЕТАЛА ПАМЯТЬ О ВЫДАЮЩЕМСЯ БОРЦЕ ЗА ДЕЛО
ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ЕЩЕ ТЕСНЕЕ СПЛОТЯТ ВСЕХ
ТРУДЯЩИХСЯ НАШЕГО ГОРОДА ВОКРУГ ПАРТИИ ЛЕНИНА—
СТАЛИНА В БОРЬБЕ ЗА ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ ТОРЖЕСТВО СОЦИА-
ЛИЗМА.
ЛЕНИНГРАДСКИЙ СОВЕТ РАБОЧИХ, КРЕСТЬЯНСКИХ
И КРАСНОАРМЕЙСКИХ ДЕПУТАТОВ.

РевOLUTIONную
деятельность тов.
Киров начал в
Томске, куда направился из родного
города для того, чтобы подготовиться
к поступлению в Технологический
институт. Учился на общеобразова-
тельных курсах, связался с томской
социал-демократической организацией.
В январе 1905 г. С. М. Киров при-
нял участие в организации воору-
женной демонстрации. 2 февраля 1905
года был арестован на нелегальном
партийном собрании вместе с 40 то-
варищами. Просидел в «административ-
ном порядке» несколько месяцев.
Вскоре после этого ареста тов. Киров
становится профессиональным рево-
люционером, отдает все свои силы и
выдающиеся способности партийной
работе.

С первых шагов своей революци-
онной деятельности тов. Киров при-
нял участие в деятельности группы
томожских большевиков. Затем он вво-
дится в состав томского комитета
РСДРП и заведует нелегальной пар-
тийной типографией. В революцию
1905 года на ст. Тайга проводил за-
бастовку железнодорожных рабочих,
прошедшую с большим успехом.
В самом начале 1906 года тов.
Киров был командирован партийной
организацией в Москву и Петербург
для приобретения хорошей типограф-
ской машины, но в день отъезда был
арестован. Просидев в томской тюрь-
ме около года, был освобожден под
залог по суду, но затем снова аресто-
ван по обвинению в создании неле-
гальной типографии и приговорен
судом к трем годам заключения в
каторгу.

По отбытии заключения т. Киров
переехал в Иркутск, но вскоре ему
пришлось бежать на Кавказ — во
Владикавказ. Организация здесь не
была. Были только отдельные товари-
щи. Здесь товарищ Киров в качестве
нелегального работника прожил не-
сколько лет. Началась война. В
1915 году — четвертый арест. По
этату отправлен в Томск. Снова год

в тюрьме. Предстояла высылка в На-
рымский край, но помешала Февраль-
ская революция.
Тов. Киров принимает в ней самое
непосредственное участие в качестве
члена Владикавказского комитета со-
циал-демократической организации.
Во Владикавказе он работает весь
1917 год и, когда над Кавказом за-
пылали пламя Октября, товарищ Ки-
ров — один из организаторов совет-
ской власти и руководителей воору-
женной борьбы против белоказацких
банд. Его командирует большевист-
ская организация в Москву за ору-
жием и снаряжением для нарастаю-
щего красного кавказского фронта.

С большим транспортом военных
припасов возвращался товарищ Киров
в 1918 году на Кавказ через Цари-
цын. Но пробраться уже было не-
возможно. Золотогонные банды успели от-
теснить разрозненные партизанские
отряды Кавказской Красной армии.
Партия уже знает товарища Кирова
— закаленного и стойкого бойца, его
светлый ум, его сполною решим-
ость и жертвенную преданность
пролетарской революции. Ему поруча-
ют ответственный участок борьбы
с контрреволюцией — оборону Астра-
хани. Киров выписывает армянскую
страну в историю гражданской
войны. Здесь у низовьев Волги то-
варищ Киров руководит собранием и
приведением в порядок XI армии.
Астрахань осталась в руках Советов,
и в Революционном Военном Со-
вете XI Армии, оборонявшей волжскую
советскую твердыню, кипела неистоща-
емая энергия Сергея Мироновича.

Вместе с XI армией, во главе ее,
товарищ Киров участвует в разгроме
Деникина, в восстановлении совет-
ской власти на Северном Кавказе и в
Баку.

Начинается полоса напряженных
отношений между советским Азер-
баджаном и мень-
шевицкой Грузии.
Советское пра-
вительство назна-
чает товарища Ки-
рова полномочным
представителем в
РСФСР в Тифлисе.
Через некоторое
время Сергей Ми-
ронович получает
новое ответствен-
ное поручение —
участвовать в ка-
честве члена со-
ветской делегации
в переговорах с
Польшей в Гамбурге.
Затем — снова
партийная работа
на Северном Кав-
казе, потом в Аз-
ербайджане. Здесь
товарищ Киров ра-
ботает в качестве
секретаря Цент-
рального Комитета
Азербайджанского
коммунистического
партии и члена За-
кавказского Крае-
вого Комитета
ВКП(б). Товарищу
Кирову — выдаю-
щемуся партийно-
му руководителю
— принадле-
жит немало заслуг
в создании и ук-
реплении совет-
ской власти на Се-
верном Кавказе и в
Закавказье. Ба-
ланский пролетарий
любил своего руково-
дителя, друга,
товарища Кирова.

Партия хорошо знала товарища Ки-
рова. На X партийном съезде он избира-
ется кандидатом в члены Централь-
ного Комитета, а на XI съезде членом
Центрального Комитета партии.

Страстный революционер, непримиримый враг малейших отклонений
от большевизма, от ленинизма, то-
варищ Киров был выдающимся бойцом
за партию, за Центральный Комитет,
за победу социализма в нашей стране.
Киров был одним из первых там, где
партия вела борьбу под руководством
товарища Сталина с контрреволюци-
онным троцкистско-зиновьевской оп-
пористостью, правящей оппортунистами.
Киров — близкий соратник, ученик
и друг великого Сталина.

В 1926 году после разгрома зиновьевской
оппортистской организации товарищ Киров
— секретарь Ленинградского губкома
ВКП(б) и Северозападного бюро Цен-
трального Комитета ВКП(б) и канди-
дат в члены Политбюро ЦК ВКП(б).
С 1928 года — секретарь Ленинград-
ского областного комитета ВКП(б).
С 1930 г. — член Политбюро ЦК
ВКП(б), а с 1934 года — член По-
литбюро, секретарь ЦК ВКП(б) и се-
кретарь ленинградского областного и
городского комитетов партии. Тов.
Киров — член Президиума Централь-
ного Исполнительного Комитета СССР
многих съездов.

Товарищ Киров был любимым ру-
ководителем ленинградских рабочих,
среди которых он пользовался огром-
ным авторитетом. Это был подлинный
трибуна, вся жизнь которого — ярчай-
шая страница в летописи героических
лет пролетарской революции и ее
огромных завоеваний. Товарищ Киров
боролся 30 лет за дело рабочего клас-
са как подлинный большевик. И та-
ким смерть застала его на боевом
посту.

Ленинградский Областной и Городской Комитеты ВКП(б) с глубокой скорбью извещают рабочих, работниц, колхозников и всех трудящихся города Ленина и Ленинградской области о смерти нашего люби- мого вождя, учителя и друга, секретаря ЦК ВКП(б) и ленинградского комитета ВКП(б)

Сергея Мироновича КИРОВА

Подлой рукой врага рабочего класса убит мужественный и негибаемый ленинец, отдавший всю свою
жизнь делу рабочего класса.
Из наших боевых рядов вырван видный и любимый деятель нашей славной большевистской
партии.
Вместе со всей партией и трудящимися всего Союза ленинградские большевики, рабочие и работни-
цы города Ленинграда склоняют боевые знамена над гробом тов. Кирова.
Великий пример беззаветной борьбы тов. Кирова за дело социализма, светлая память о нем еще тес-
нее сплотят ряды ленинградских большевиков, рабочих и работниц и всех трудящихся города Ленина и
Ленинградской области вокруг непоколебимого знамени Ленина — Сталина.
ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОБЛАСТНОЙ И ГОРОДСКОЙ КОМИТЕТЫ ВКП(б).

Центральному Комитету ВКП(б)—тов. СТАЛИНУ Ленинградскому Областному и Городскому Комитетам ВКП(б)

Рука убийцы сразила Кирова, мужественного во-
дителя, бойца, пламенного коммуниста, вождя трудящих-
ся города Ленина и лучшего из лучших сынов партии
и страны.
Горе врагам, напрашившим и поднявшим руку про-
тив революции, социализма, диктатуры пролетариата,
против нашей великой родины. Ненависть — наветру-
чу ненависти.
Класс против класса. Ни на минуту не забудем этого.
Мы идем под СТАЛИНСКИМ знаменем борьбы за со-
циализм и неотразима наша победа.
Вместе со всей великой коммунистической партией,
вместе со всеми трудящимися советские писатели
смыкаются вокруг штаба революции — ленинского ЦК
партии.
ПРАВЛЕНИЕ ЛЕНИНГРАДСКОГО
СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

ЦК ВКП(б).

Коммунистическая партия, рабочий класс и трудящиеся советской
Украины вместе со всей партией, рабочим классом и трудящимися
Советского Союза глубоко скорбят по поводу утраты выдающегося
деятеля нашей партии, ближайшего соратника великого СТАЛИНА, не-
поколебимого и горячо любимого вождя ленинградских большевиков
и пролетариев

Сергея Мироновича КИРОВА.

Нет слов для выражения великой скорби. От руки врага рабочего
класса погиб лучший сын нашей могучей партии большевиков. Наша
партия, рабочий класс, ЦК ВКП(б) потеряли передового пламенного
борца, лучшего руководителя пролетариата и колхозных масс.
Потеря нашего лучшего друга и руководителя не поколеблет наших
рядов. Славная, яркая жизнь тов. КИРОВА еще больше вдохновит
миллионы пролетариев и трудящихся на борьбу за дальнейшие по-
беды рабочего класса, на окончательное искоренение всех врагов.
Большевики и широчайшие массы пролетариев и колхозников еще
теснее сплотят свои ряды вокруг ЦК ВКП(б), вокруг вождя миллио-
нов — СТАЛИНА.
Выше непобедимое знамя Маркса—Ленина—Сталина!
ЦК КП(б)У.

Ленинский комсомол вместе со всей партией, со всем рабочим классом, со всеми трудящимися нашей страны глубоко скорбит о невозвратимой утрате непо- колебимого, пламенного революци- онера, любимейшего руководителя большевиков, пролетариев города Ленина—

СЕРГЕЯ МИРОНОВИЧА КИРОВА,

сраженного злодейской рукой
врага рабочего класса.
Вся жизнь тов. КИРОВА —
учителя и друга трудящихся мо-
лодежи, неутомимого большеви-
ка-ленинца — являет для каж-
дого молодого рабочего, кол-
хозника, для всей трудящей-
ся молодежи нашей родины и
всего мира ярчайший пример
беззаветной борьбы и преданно-
сти делу рабочего класса.

Светлый образ соратника вели-
кого Сталина, выдающегося де-
ятеля большевистской партии —
Сергея Мироновича Кирова будет
жить в сердцах миллионов тру-
дящейся молодежи, вдохновляя
ее на новые подвиги под знаме-
нами партии Ленина—Сталина.

Центральный комитет ВЛКСМ
в этот скорбный час призывает
все трудящиеся молодежь еще
теснее сплотиться вокруг могу-
чей большевистской партии, по-
вышая свою деятельность и бо-
еспособность в борьбе за оконча-
тельное искоренение всех врагов
рабочего класса, за полную побе-
ду социализма.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
ВСЕСОЮЗНОГО ЛЕНИНСКО-
ГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО
СОЮЗА МОЛОДЕЖИ.

Комиссия Партийного Контроля при ЦК ВКП(б) и Центральная комиссия ВКП(б) по чистке глубоко скорбят о смерти любимого товарища

СЕРГЕЯ МИРОНОВИЧА КИРОВА,

члена Политбюро ЦК ВКП(б) и члена Центральной комиссии ВКП(б)
по чистке, погибшего на боевом революционном посту от руки
убийцы, подосланного классовым врагом.

ИЗВЕЩЕНИЕ Для организации похорон тов. Кирова Сергея Мироновича обра- зована комиссия в составе:

ЕНУКИДЗЕ А. С.,
ЧУДОВА М. С.,
АЛЕКСЕЕВА П.,
ГАМАРНИКА Я. Б.,
ХРУЩЕВА Н. С.,
БУЛГАНИНА Н. А.
Похороны товарища КИРОВА С. М.
состоится 6 декабря, в 15 часов в
гор. Москве, на Красной площади.
О дне прибытия в Москву теле
т. КИРОВА будет сообщено допол-
нительно.
КОМИССИЯ.

ИЗВЕЩЕНИЕ ОТ КОМИССИИ ПО ПОХОРОНАМ ТОВ. КИРОВА

Похороны товарища КИРОВА С. М.
состоится 6 декабря, в 15 часов в
гор. Москве, на Красной площади.
О дне прибытия в Москву теле
т. КИРОВА будет сообщено допол-
нительно.
КОМИССИЯ.

ВСТРЕЧА ДВУХ КНИГ

Они встречаются под одним и тем же переплетом новой книги Михаила Пришвина «В краю наугнанных птиц». Так называлась первая его книга своеобразных краеведческих очерков, о которой, как вспоминает в «Журналистской родне» сам автор, М. О. Гершенон сказал: «Эта первая книга этнографическая гораздо больше, чем литературная». Он прав: только наполовину — в высокой оценке этой книги, но не в презрении к дальневосточнику. И если несколько лет назад сам Михаил Пришвин, взволнованный замечаниями В. К. Арсеньева «В дубрах Уссурийского края», готов был с ним согласиться и понять «уже недостаточное для себя значение известности своей первой книги», то теперь Пришвин первопричиной является другая книга, которая вообразила в себя все наиболее ценное из первой и новой зрелостью творческого мироощущения, творческой зрелостью его писательского роста и душевного обогащения.

Оказывается, для того чтобы создать хорошую книгу, необходимо «до последней творческой капли крови раствориться в изображаемом материале», — и уж, конечно, ошибается Пришвин, догадая, что среда «заманяла его в искусство слова самого по себе», которое и помогло ему написать книгу, подобную арсеньевской. Ведь меньше всего именно Пришвина можно упрекнуть в каких-либо формально-литературных увлечениях: высокая требовательность мастера к слову как к живому и действительно средству человеческого общения всегда была присуща его книгам.

Если уже говорить правду, то, пожалуй, как раз расторопность автора, пусть неполная, но несомненно, искомая, в изображаемом им мире и является одним из тех качеств первой книги Пришвина, которое с нашей сегодняшней точки зрения несколько снижает ее ценность.

Эта книга, написанная около тридцати лет назад на материале того края, где теперь пролегает Беломорско-Балтийский канал, могла бы сейчас быть переиздана самостоятельно — без тех поправок к материалу и его восприятию, которые в рассматриваемом издании вылились в ряд новых очерков. В свое время она вышла высокою оценку у понимающих литературу людей и осталась незамеченной тем развращенным литературным эстетическим читателем, который тогда без всякого, конечно, права назывался «широким». Отражая в себе идеологические штатания литературного штаба буржуазии, утончалось и разлагалось поэтическое «я», и зловредная, простая и ясная книга Пришвина оказалась тогда «несвоевременной» и чуть ли не провинциальной. Но она пролежала три десятилетия и почти целиком донесла до нас свою творческую силу, а те многие из тех, кто делал тогда литературную погоню, и не оставят ли даже самые прославленные из них от нас дальше, чем эта неприкаянная книга?

Почем, определившим выбор материала для первой книги Пришвина, послужило знакомство с исследователем Севера, этнографом Овучковым, во были и внутренние причины, которые подтолкнули писателя на изучение быта, природы и народных верований заброшенного края. Вспоминания из Пришвина называют себя, тогдашнего, «героем «Обыкновенной истории», рассказывавшим в своем поступке, бросившем и весту и богатого дядьку, чтобы восстановить свое творческое-личное достоинство в общении с «огромным Мануэлем», т. е. с жизнью, уходящей корнями в природу, в прошлое, в устья самообытного мировоззрения. Как многообразно (до утомительности) представлен в нашей литературе этот тип мятущегося горожанина, врачующего

свои душевные раны на лоне подудственной природы и в среде нетронутых цивилизацией людей. К счастью, ничего сложного с этим литературным типом нет ни в натуре самого Пришвина, ни в образах его книги — первом опыте творческой реализации «родственного внимания» к окружающей среде. И даже охотник Мануэль, почти что толстовский, живущий одной жизнью с природой язычник, не имеет ничего общего с казаком Ершковой. И он, и все другие человеческие образы книги Пришвина, и все ее конкретные описания, наблюдения и зарисовки — все это является материальной самой безотчуждливой полнотой, сведенным воедино живым любознательностью писателя. Так, здоровое творческое чутье и жадная восприимчивость к бесконечному разнообразию жизни оказались сильнее, чем традиция ухода за потревоженной душой, а книга, которая могла бы вылиться в бесплодный вариант отречения от фальшивых благ цивилизации, выкристаллизовалась в насыщенные содержанием краеведческие очерки.

Не все (с нашей сегодняшней точки зрения) бесспорно в этих очерках. Выступилась их пантеистическая поэтичность — та поэтичность, которая была привнесена в материал книги тем, что Пришвин не только рассказывал о козлах, скачках и вольных пленных, но и сам как бы погружался в эту стихию. Они, эти очерки, несколько пассивны в смысле оценки описываемого и слишком самонадеянно ограничены внешним описательством, но зато они сильны своей почти документальной точностью, которая, не обделяя живой пластичности образов, делает их достоверными, связанными с реальной обстановкой и разоблачающими ее как порождение самодержавного строя. Как ни негусто политически эти очерки, как ни много в них любования законами природы, как ни строится Беломорский канал, он строит мостик от своих первоначальных творческих ощущений в прошлом к своей сегодняшней полной слитности как писателя с настоящим. Он утратил свою частную родню, на которой ему когда-то открылось понимание жизни как творческого процесса органического целого, но он нашел закономерность своего дальнейшего роста, чтобы вместе с другими — чеканками и строителями — участвовать в создании иной родины — «новой и общей». И нужно только последнее звено, которое творчески связало бы прошлое с настоящим. Им оказывается тот волепод, у которого двадцать восемь лет назад Пришвин «сперва прикоснулся к творчеству». Кажется, он уничтожен новыми уровнями воды, — но вот он: он «жив и здравствует», он «получил свое человеческое управление», как получило его дарование Пришвина, направлено в русло общей родины. И тогда для Пришвина окончательно проясняется необходимость единства в себе, которое мысленно при пассивном отношении к действительности: «Вывало, в молодости талант, как слепая вола, лез на твою пустую турбину и вращает ее, а у тебя постоянная тревога, что там где-то, вверху, прекратит поток — и ты останешься с пустой турбиной. Все дальнейшие поиски, в сущности, сводятся к поиску единства в себе, и когда оно бывает найдено, то является и возможность управлять собой так же, как мы теперь управляем волеподом, и это дает силу, смелость и счастье».

«Какая перемена! — восклицает Пришвин: — И какая тревога, что не ослышишь прошлого, не найдешь в себе достаточно уважительного внимания к новому, чтобы выбрать и понять в прошлом живые творческие силы, это же новое и созвучное». Но он осливает его, — то же самое «родственное внимание» помогает ему найти внутри себя чувство «связи времен», и одновременно с двух концов, как строился Беломорский канал, он строит мостик от своих первоначальных творческих ощущений в прошлом к своей сегодняшней полной слитности как писателя с настоящим. Он утратил свою частную родню, на которой ему когда-то открылось понимание жизни как творческого процесса органического целого, но он нашел закономерность своего дальнейшего роста, чтобы вместе с другими — чеканками и строителями — участвовать в создании иной родины — «новой и общей». И нужно только последнее звено, которое творчески связало бы прошлое с настоящим. Им оказывается тот волепод, у которого двадцать восемь лет назад Пришвин «сперва прикоснулся к творчеству». Кажется, он уничтожен новыми уровнями воды, — но вот он: он «жив и здравствует», он «получил свое человеческое управление», как получило его дарование Пришвина, направлено в русло общей родины. И тогда для Пришвина окончательно проясняется необходимость единства в себе, которое мысленно при пассивном отношении к действительности: «Вывало, в молодости талант, как слепая вола, лез на твою пустую турбину и вращает ее, а у тебя постоянная тревога, что там где-то, вверху, прекратит поток — и ты останешься с пустой турбиной. Все дальнейшие поиски, в сущности, сводятся к поиску единства в себе, и когда оно бывает найдено, то является и возможность управлять собой так же, как мы теперь управляем волеподом, и это дает силу, смелость и счастье».

Вот почему-то Пришвин не так уж далек от истины, когда в своих новых очерках, посвященных огромным переменам на социально-географической карте своей первой книги, говорит: «Я настолько рад Беломорскому пути, что горжусь выбором для описания именно этого края в своей первой краеведческой работе, и мне даже очень хочется устранить случайность в выборе темы и так следовать хотя бы в отдаленнейшей степени участником великого дела».

Но вот Пришвин снова встречается со своим прошлым, как старая его книга встречается с новыми очерками, слагающимися в новую книгу о новом крае. Может быть, их лучше назвать фрагментами книги, ибо они

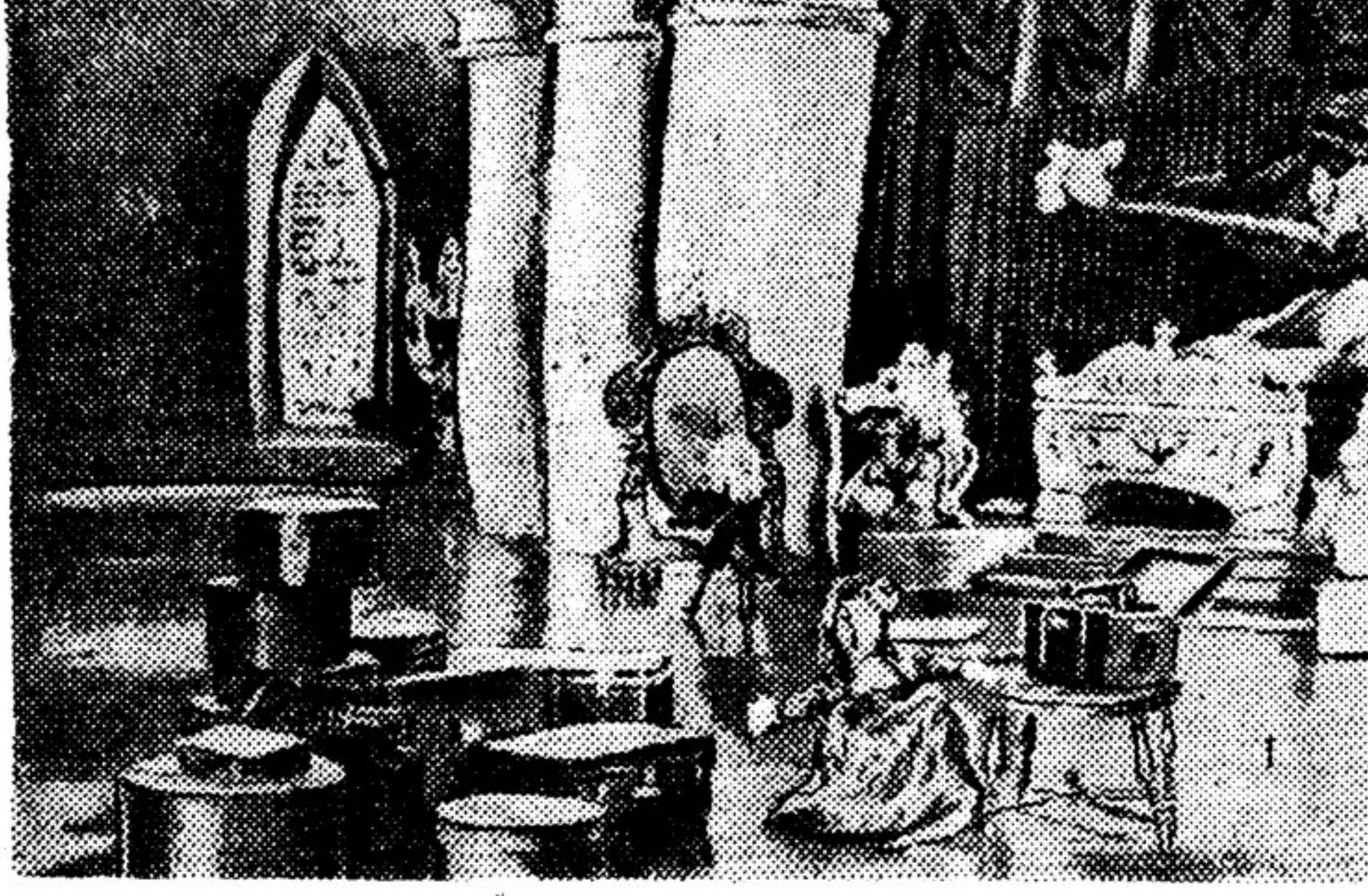
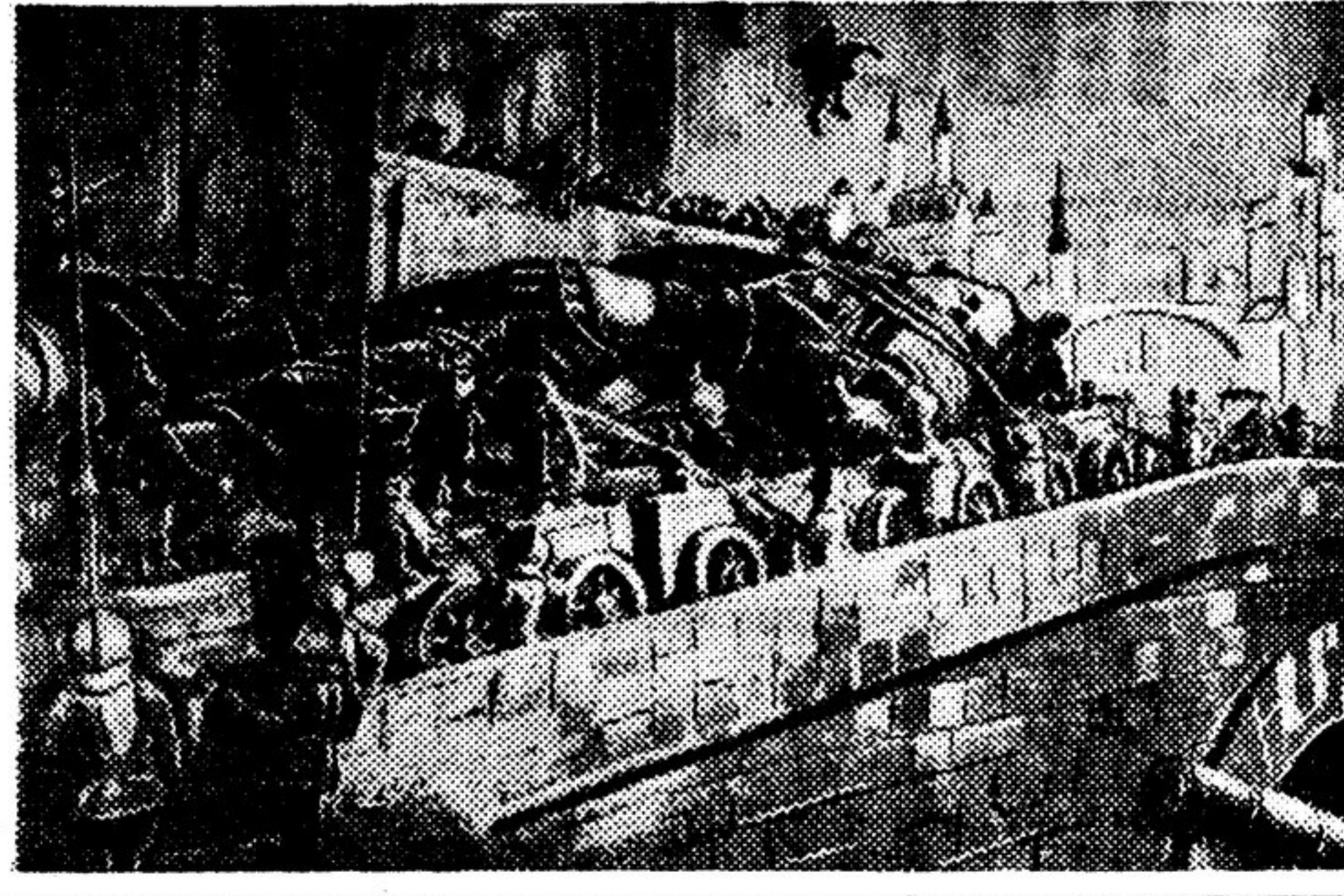
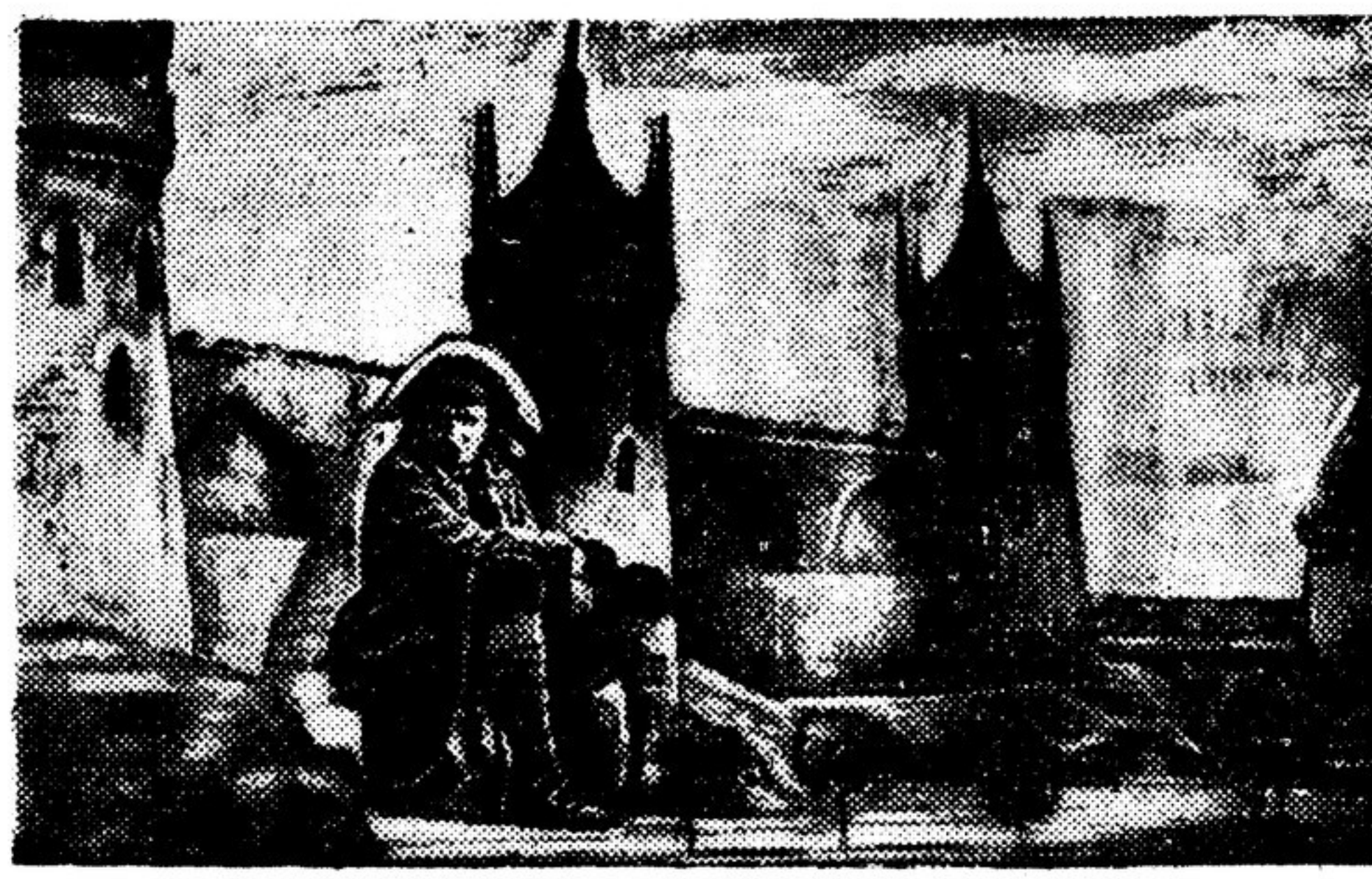
не охватывают всего материала, который всей своей первозданной свежестью требует от писателя углубленного к себе внимания и полноты творческого воспроизведения.

Во всем переиздании. Выговские воды, по которым около тридцати лет назад Пришвин ездил на лодке с острова на остров, подируют ныне намыши Мурманской ж. д. Мощный канал со своими шлюзами и плотинами пролет между озерами, и деревня Карельский остров, которая была когда-то для Пришвина местом постоянного пребывания, оказалась в аоне автолечения. Край охвачен напором социалистического строительства, и рассказывая о смелых, обретающих новую родню в труде на своем участке канала, сопоставляя суверенную патристичность прошлого с деятельным оживлением края в настоящем, рисуя портреты заключенных, удальников Беломорского и начальников. Пришвин находит очень теплые и точные слова, которые передают величие перестройки действительности и перевоспитания людей.

Но ведь для него самого этот край был творческой родиной, «купальней писательской мысли», — не утратил ли он ее с превращениями края, и можно ли примирить волнованные воспоминания о прошлом с гордостью современника великих социалистических работ по осуществлению будущего? Так возникает внутренняя тема очерков, которая теснее, чем простое хронологическое сопоставление, связывает обе книги.

«Какая перемена! — восклицает Пришвин: — И какая тревога, что не ослышишь прошлого, не найдешь в себе достаточно уважительного внимания к новому, чтобы выбрать и понять в прошлом живые творческие силы, это же новое и созвучное». Но он осливает его, — то же самое «родственное внимание» помогает ему найти внутри себя чувство «связи времен», и одновременно с двух концов, как строился Беломорский канал, он строит мостик от своих первоначальных творческих ощущений в прошлом к своей сегодняшней полной слитности как писателя с настоящим. Он утратил свою частную родню, на которой ему когда-то открылось понимание жизни как творческого процесса органического целого, но он нашел закономерность своего дальнейшего роста, чтобы вместе с другими — чеканками и строителями — участвовать в создании иной родины — «новой и общей». И нужно только последнее звено, которое творчески связало бы прошлое с настоящим. Им оказывается тот волепод, у которого двадцать восемь лет назад Пришвин «сперва прикоснулся к творчеству». Кажется, он уничтожен новыми уровнями воды, — но вот он: он «жив и здравствует», он «получил свое человеческое управление», как получило его дарование Пришвина, направлено в русло общей родины. И тогда для Пришвина окончательно проясняется необходимость единства в себе, которое мысленно при пассивном отношении к действительности: «Вывало, в молодости талант, как слепая вола, лез на твою пустую турбину и вращает ее, а у тебя постоянная тревога, что там где-то, вверху, прекратит поток — и ты останешься с пустой турбиной. Все дальнейшие поиски, в сущности, сводятся к поиску единства в себе, и когда оно бывает найдено, то является и возможность управлять собой так же, как мы теперь управляем волеподом, и это дает силу, смелость и счастье».

ГЕРМАН ХОХЛОВ.

Вверху три кадра из фильма «Новый Гулливер». Производство фабрики художественной мультипликации Московского кинокомбината. Сценарий Г. Рошал и А. Птушко. Постановка режиссера Александра Птушко. Музыка Льва Шварца. Тексты и песни С. Болотина. Гл. оператор Н. Ренков. Оператор И. Шнаренков. Художник кукол Сарра Мокиль. Художник манжет Ю. Швец. Скульптор — О. Таежная. Внизу два кадра из графической мультипликационной фильму «ОРГАНИКИ» производства московской фабрики художественной мультипликации. По мотивам М. Салтыкова-Щедрина. Сценарий — А. Гаймова и Н. Ходатаева. Постановка режиссера-художника Н. Ходатаева. Музыка Г. Лобачева. Художники Емченко, О. Ходатаев, Н. Ходатаев, Д. Чернос и др.

о методе нового реализма во всеорост.

Осознание нового метода начинается с видоизменения тех элементов критерия, которые существовали в старой литературе. Они получают качественно иное содержание. Для нового реализма история — меньше всего мажорное прошлое, которое лишь объективно существует. Мысль крупнейших художников революционной демократии направлена не на настоящее к прошлому, а от прошлого через настоящее к будущему. Таков ход мысли Щедрина уже в глумливом пьесе, завершающемся «Историей одного города».

Так как «нет ничего стоящего особенного», то новый реализм «берет человека с всеми его определениями». Поэтому «приступая к воспроизведению какого-либо факта, реализм не имеет права ни обойти молчанием его прошлое, ни отказаться от него в будущем, ни отречься от него, хотя и закрыты для необоруженного глаза, но тем не менее совершенно настолько же реальны, как и настоящее».

Таким образом, уже в конце 1863 г., когда были написаны эти строки, намечается метод революционно-демократического реализма, противоречиями старой, помещичьей его концепции, еще властной над представлениями людей той литературы. В этом противоречии заключалась для нее возможность выхода из того тупика, в который привел ее метод старого реализма. Этот метод — метод, объединяющий в себе существование фактов в историческом аксиоме в целях его объединения. Его объединяющая способность ограничена эмпиризмом: он не выходит за пределы видимого и

ПОКОНЧИТЬ С БРАКОМ В КНИЖНОМ НАБОРЕ

Недавно Гослитиздат выпустил массовое издание ДВО мой роман «Цемент». Книга эта является чуть ли не каждый год в больших тиражах и распространяется по рабочим, колхозным и школьным библиотекам. Много обычно просматривались только границы этих изданий, верстка же проверялась помимо меня. Последнее издание «Цемент» мною сильно обработано (о причинах этого сообщается в авторском предисловии). А чтобы проверить качество работы полиграфической, я решил внимательно просмотреть текст от начала до конца. И я пришел в ужас от того, что увидел. Многочисленные жалобы на сверную работу корректоров и типографии, возмущение писателей против уродств, искажений языка их книг настолько надоели, что на это не обращают внимания: подумай, невнятная какая!

На самом же деле эта вопиющая небрежность и небрежность в изготовлении книги для массового и индивидуального читателя должна:

На странице	Напечатано	На конце каботаж.	Нужно.
30	На конце каботаж корявый	На конце каботаж корявый	У Савчука борода
31	к своему старнику	к своему старнику	У Савчука борода
75	И опять шуткой укротил.	И опять шуткой укротил.	У Савчука борода
76	Савчука борода	У Савчука борода	У Савчука борода
104	просит жертвенной помощи	просит жертвенной помощи	просит жертвенной помощи
113	достать дров	достать дров	достать дров
130	Дмитрий посмотрел и сказал.	Дмитрий посмотрел и сказал.	Дмитрий посмотрел и сказал.
145	Дребезжали винтовки и орал(?)	Дребезжали винтовки и орал(?)	Дребезжали винтовки и орал(?)
149	Упорхнул вперед — опять. (?)	Упорхнул вперед, поднимут на нее хохлаки, кинут и — упорхнут.	Упорхнул вперед, поднимут на нее хохлаки, кинут и — упорхнут.
164	Бурные охали	Бурные охали	Бурные охали
171	Где промчал	Где промчал	Где промчал
182	Иная баба Даша	Иная баба Даша	Иная баба Даша
194	свинными глазами	свинными глазами	свинными глазами
201	вмест, как дудочка	вмест, как дудочка	вмест, как дудочка
216	почувствовал было вражду	почувствовал вражду	почувствовал вражду
220	небесно-голубое море	небесно-голубое море	небесно-голубое море
245	любопытно и страшно	любопытно и смешно	любопытно и смешно
—	Кричал и то же	Кричал одно и то же	Кричал одно и то же
246	Странного офицера	Странного офицера	Странного офицера
251	страшные люди	вы страшные люди	вы страшные люди
254	в ущельях клубились зелеными отеками лесов	ущелья клубились лесов	ущелья клубились лесов
291	Я там буду	Я там буду	Я там буду
303	Все это — дело в методе	Все дело — в методе	Все дело — в методе
305	попа ввиду	дома ввиду	дома ввиду
307	холодный чорт	дохлый чорт	дохлый чорт

На стр. 148-9 подзаголовок отнесен на несколько абзацев выше от своего текста.

Это уже не шепотные опечатки, не нехотят, а большая неурядица. Как видите, это уж настоящее бедствие. Набирается нездоровье, безграмотная чушь, корректор правит границы, автор правит корректора и наборщика и убедительно просит читателей выдать набор. Автору обещают, что когда-нибудь поступят из типографии в Книгоиздат, автор с ужасом видит, как его книга строит ему уродливые рожи.

И вышло только один извращенный слог — нахальную брехню, — а массу опечаток в буквах и в знаках, пропуски и всякие мелочи не решился отметить: эти опечатки пришло бы сметать в кучу, как сор. И я не знаю, кто здесь больше виноват: производственный отдел Гослитиздата или типография (на титуле значится: 1 образцовая типография «Огиз»). Думаю, что одинаково достойны гнева и типография и Гослитиздат. Ведь не для же «литературной известности» напечатаны имена работников Гослитиздата на титуле: «Отв. рек. Г. Октявцев, техник. рек. В. Солнцев, корректор Л. Руднев». Конечно, это сделано для того, чтобы эти люди отвечали за качество своей работы. Работники Гослитиздата жалуются, что типография не желает их слушать и отказывается выполнить их требования. Почему же не привлекается к ответственности руководитель 1 образцовой (образцовой!) типографии? А ведь они, вероятно, лицемерно и громко кричат о «борьбе за высокое качество продукции», о «борьбе с бракоделами». Пусть они материально и отвечают за порчу книг. Если на титуле печатаются фамилии работников издательства, отвечающих за дело, то почему не печатаются фамилии набор-

щиков, правщиков, метранпажей, которые должны отвечать за полиграфическую сторону книги не в меньшей степени? Они надежно скрываются за вывеской предприятия. И совершенно чудовищно звучит заявление руководителей типографии, что заказ Гослитиздата они могут брать только без гарантии за качество (заявление т. Большенникова). Другими словами, типография авиасом дает понять, что они обязательно выносят из своего производства несомненный брак. Такие вещи в Стране советов на 18-м году революции являются, на мой взгляд, самым тяжелым преступлением против всех основ социалистического строительства. Брак в книжном деле — это страшный вред, который наносится прежде всего и читателю и писателю. Это извращательство над миллионами. 50 тысяч книг — 50 тысяч обидений неповинному писателю в безграмотности, в незнании родного языка, в засорении им литературной речи всяким хламом. Довольно! Надо приниматься за борьбу с вредителями самым жестоким образом. Надо.

Ясное дело, что без собственной полиграфической базы нельзя работать такому гиганту, как Гослитиздат: как бы ни стремился он к улучшению издательского дела, все равно ему не выдержать из тисков не принадлежащих ему типографий, и ему постоянно будут диктовать самые юмористические условия и вредить на каждом шагу. Гослитиздату нужны свои мощные полиграфические предприятия, с богатым импортным оборудованием. Только тогда он полностью будет отвечать за свою работу и за качество, и за своевременность выпуска книг.

Ф. ГЛАДОВ.

ЕЩЕ ОБ ИСТОКАХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА

В статье «Об истоках социалистического реализма» («ЛП», 29 сентября) мы показали те общие моменты, которые обобщают программу реализма революционной демократии 60-х годов с теми задачами, которые стоят перед советской литературой наших дней. И перед десятилетиями стояли вопросы о должностном герое, о художественном освоении новой тематики, о перестройке жанров, о перспективе развития литературной эстетики, наконец, о сознательном волеизъявлении художника на жизнь. Но осуществлению творческой программы революционно-демократического реализма мешали препятствия как субъективного, так и объективного характера. Если осознание тенденции является главным условием нового реалистического творчества, то лишь при наличии истинно-культурного художественного произведения «субъективно», но внутренней необходимости, тенденции. Здесь точка зрения творца реализма революционно-демократической литературы совпадает с точкой зрения Энгельса, который, признавая «отца трагедии» Шекспира и «отца комедии» Аристофана, как и Данте, Сервантеса, Шиллера и других великих художников, «серьезно тенденциозными поэтами», полагая, что тенденция должна сама по себе вытекать из положения и действия.

В эти именно цели новому реализму предстояло овладеть художественным наследством.

Чтобы пропаганда новой литературы была убедительна, необходимо научиться у своих предшественников выводить «одну из главных обязанностей художника», которая заключается в устройстве внутреннего мира его героев: лишь эти «устойчивые» гарантируют от себя от скептицизма, становятся убедительными, а значит, хорошо служат делу своей

пропаганды, — как бы отвечает революционно-демократическая критика тем, кто смешивает психологию с психологизмом.

Как и значительно такое препятствие — это неизбежный и молодой литературы недостаток художественной культуры, все же гораздо больше мешали осуществлению творческой программы революционно-демократического реализма самые особенности его объекта.

«Новый человек», «новый герой» в условиях русской жизни 60-х годов не мог проявиться себя. И власть, и дворянско-буржуазная среда чрезвычайно суживали поле его деятельности. Недостаток или отсутствие внешнего проявления у героя новой литературы приходилось восполнять внутренним содержанием. Мало того: если новый герой лишь внешне должен был действовать, то изображение его должно было быть на повторение старого типа «длинного человека», отталкивание от которого составляло существенную особенность революционно-демократической литературы. К такому фатальному результату привел ряд новых бедствий, например, Шеллер-Михайлов. Этот кризис нового реализма отражал объективное противоречие самой действительности, которое формулировалось Щедриным в словах: «Внутренняя сложность нового и бедность его внешней обстановки — вот, препятствия, с которыми боролась и до сих пор борется новая русская литература в своих поисках за положительными сторонами русской жизни».

Все это заставляло ставить вопрос о возможности целостного художественного творчества в переходную эпоху. В 1863 г. Щедрина пинал, что «проявления литературы утратили цельность, потому что в самой жизни нет этой цельности... несвязанные, разрозненные и неясные цели, потоком врываются на сцену и, раз-

меется, врываются на первых порах в отрывочном и даже не всегда привлекательном виде... И Щедрина одно время репал вопрос отрицательно: «При таком положении дел литературы остается... делать частные наблюдения, т. е. заниматься подробностями». Много ответа и не могло быть до тех пор, пока новый реализм подхватил и своему новому содержанию с методами реализма старого, дворянского, фиксированного установившегося, азышущего и бессильного переломившегося, не принявшего еще определенных форм. Этот реализм, говоря словами одного из его крупнейших представителей — Гончарова, «же ладит с новым зарождающимся жизнью», для него в словах «зарождающегося» заключаются уже противоречия, так как «если зарождается, то это еще не тип». Последняя из дворянского реализма складывается из догадок и многих повторений явлений и лиц...»

Осуществлять новую творческую программу, определенную становившейся не азышущим содержанием, с помощью метода дворянского реализма, фиксированного установившегося, азышущего и бессильного переломившегося, не принявшего еще определенных форм, не могла не поставить проблемы метода изображения именно этой «зарождающейся», «не установившейся» действительности. Необходимо было, вопреки «бедности обстановки», непостоянности внешнего проявления, добывать до скрытого богатства новых типов и тем. Лишь эти устойчивые творческие противоречия всей концепции дворянского реализма, дал Щедрина, великому художнику революционно-демократической литературы, революционно-демократическому критику, возможность поставить вопрос

отражало безызымное до него темпы изменения действительности, при которых эмпиризм («неосредствительное впечатление») уже не могло быть оставлено от жизни. Если бы революционно-демократический реализм уже не признал правую сторону критерия художественной правды: он включает в себя «фантастическое» как элемент самой действительности, утверждая свою индивидуальную устойчивость. «Фантастическое», конечно, никогда не является для него самоцелью, а лишь средством познания действительности или передачи этого познания, но не пасононого, а связанного с сознательным вмешательством в ход вещей. В области революционной демократии знаменательной своей фиксацией новых общественных типов и явлений в самый момент их зарождения и сознательное активное участие в историческом движении, помощь нарождающемуся или предупреждение о нем (тип Девушки), ускорение темпов развития.

Его аспектом являются сохранение всю свою остроту слова Щедрина, отнюдь не отрицание, а осуществление социалистическим реализмом.

«Не упокаиваясь на тех формах, которые уже выработала история, провидит иные, которые еще не составляют никакого достоинства человека, но... рано или поздно могут сделаться его достоинством, — в этом заключается высшая задача литературы, сознающей свою деятельность плодотворной. Литература провидит законы будущего, воспроизводит образ будущего человека».

Осознав этот метод, осуществил ли революционно-демократический реализм свою творческую программу? И при обладании этим методом она могла быть осуществлена полностью? Или лишь она могла создать предпосылки для создания той новой общей художественной культуры, которая слелала бы возможным широкое применение этого метода.

В условиях русской жизни 60-х годов революционно-демократический реализм мог осуществлять себя

лишь частично, и, так сказать, отрицательно: не столько в романе, новелле, драме, сколько в satire III «нада, прежде всего и больше всего, и в приближающемся к ней очерке Гл. Усеньского».

Революционно-демократический реализм оказался в большей мере нападением для того класса, который выполнял задачи революции, осуществляя свои несравненно более широкие цели.

Разобранная здесь концепция реализма, которая столь близка реальному социалистическому, конечно, далеко не покрывает его. Темой особой статьи мог бы явиться вопрос об ее исторической ограниченности, об элементах неадекватности, утопичности, метафизического предвзвешивания ее о человеке, о характере известности человека от внешнего мира, о самых общественных отношениях, но, являясь дальнейшим развитием идеи реалистической критики Чернышевского и Добролюбова, эта концепция реализма далеко не сливается с народнической концепцией литературы. Она из типических представителей народнической критики 70-х годов, Скабичевский, на которого ссылается Переврзев, ревнует революционно-демократический реализм в своих «Беседах о русской словесности», отрицая партийность искусства. И чем больше народничество приближалось к либерализму, тем больше отходило оно от революционно-демократического реализма в литературе. Это может подтвердить эклектицистско-идеалистическое творчество В. Г. Короленко.

Таким образом, не в народничестве 70-х годов, как это можно вывести из статьи Переврзева, а в революционно-демократическом провиденциальном Шелере в революционно-демократическом реализме 60-х годов, зная которого высоко держал Щедрина в революционной литературе, следует искать истоки исторически подготовившегося социалистического реализма. Приближая к этим истокам можно только путем конкретнее — исторического анализа, результатов которого явится сознание исторической преемственности между реализмом революционно-демократического 60-х годов и реализмом литературы строящегося социализма пролетариата.

А. ЛАВРЕНТИЙ.

Вверху — кадр из мультипликационного фильма «Блек энд уайт» (по сценарию Маяковского). Производством фабрики рисованных фильмов Мехрабонфильма, режиссеры И. Ван и Амальрик. Внизу — два кадра из мультипликационного фильма «Ильяса в Арктике» (из серии «Ильясы»), производства той же фабрики, режиссеры В. Сутеев и А. Атаманов.

КНИГИ ПО ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИИ

Центральным архивным управлением подготовлено к изданию в 1935 г. ряд научных трудов по истории дипломатических отношений царского правительства, истории революционного движения в Европе и на Востоке. По истории международных отношений паризма готовятся под редакцией Ц. Фридаманна сборники «Фрэнко-русский союз», «Продолжается работа по изданию серии «Дипломатия». В будущем году под редакцией Нечкиной выйдет

ПУШКИН И БЕСТУЖЕВ

В издании Толстого, Лермонтова. Пушкина сейчас снимается лаж, наведенный друзьями поэта, редакторами и корректорами. Устанавливается факт литературного окружения и направленности вещей.

Старое литературоведение лучше всего разработало у нас тексты Пушкина, но и тут оказалось невозможным очень многое уточнить.

В деле выяснения источников пушкинских вещей сделано очень много, так, например, Анна Андреевна Ахматова бесспорно установила литературный источник сказки «О волгодоме петушке».

Для «Сцен из рыцарских времен» дело было темнее.

Предполагалось влияние «Жаке-ри» Проспера Мериме (1823 г.) «Сцены» написаны в 1835 г. Связь Проспера Мериме и Пушкина давно выяснены. «Жаке-ри» Мериме, как и «Сцены рыцарских времен», описывает столкновение между крестьянами и феодалами. Как будто бы здесь есть сходство. Но вещь Мериме закончена, она показывает, как крестьяне восстали, и трагедия вождя, который проигрывает и должен прогнать свое дело. Социальная характеристика героев схематична и традиционна.

Пушкинская вещь чрезвычайно четкая. Напоминание о ней в написанной части, и в части, оставшейся в плане.

Золотые записки

Существует статья декабриста Веструева-Марлинского, очень крупное писателя-прозаика о романе Н. Полеваго «Клятва при гробе господнем». Статья написана была в Дагестане в 1833 г. и по событиям того времени представляет развернутую историю литературы и даже культуры до Н. Полеваго. Тема статьи — романтизм в его связи с новыми явлениями в истории. Статья очень интересна и малоизвестна.

Великий признавал за статьями Веструева «неотемленную и важную заслугу русской литературы и литературного образования русского общества». В 30-х годах Марлинского называли «Пушкинским прозой».

Статья Марлинского, которую мы цитируем, известна мало, потому что это одна из последних, если не последняя статья автора.

Принято думать, что влияние Марлинского в это время уже шло на убыль. Сама тема статьи — поэма-роман Полеваго, тоже отводила ее на сферу внимания наших, обычно очень внимательных литературоведов.

Я цитирую статью по полному собранию сочинений Марлинского. Веструев рассказывает о том, как в то время, когда большие и малые владельцы торжищили друг друга, возникла и крепла в Европе совершенно неизвестная в древности стихия гражданственности, стихия, которая впоследствии поглотила все прочее, — и всюду о мещанстве.

«Она дала купцов, ремесленников, ученых... передошла в пеструю куртку страстного комедийца, но всего важнее: она дала жизнь писателю всех родов, поэтам всех величаний, авторам по нужде и по наряду, по ошибке и по влюбленности.

О СТЕНЕ

Китайгородская стена с зубцами, с проходами, с сплошным боем, старая стена солома.

В горах путаешь иногда, об этом писал Толстой. Горы и облака. Горы выглядят большими, спокойными, великими, прачайшими облаками.

В опущенные дома входят то, что он давно стоит.

В Охотном ряду две гостиницы кажутся двумя большими серыми облаками. Их здесь не было.

Правда, на левом облаке вверху стоит вагончик, несколько дверей прикреплены бронзовые барельефы, около вагончика огонь балюстрады — в балюстраде какой-то рдупотек, над балюстрадой фрис.

Все, что было снято за десятилетие с тех домов, которые строили, голые стены всех фабрик хотят комбинировать за один раз гостиница Московета.

О БЕСПРИЗОРНЫХ

Рассказывала мне художница Семенова. Встречала человека. Она украсила Тримурфальную площадь. Уже построены были все шты и украшения, повешены голубые деревянные полосу. Встало солнце. Трамвай развозил уже кондукторов и вагоновожатых, утренний московский трамвай, идущий не по своему маршруту.

Рабочие ушли. Шенки, доски остались лежать на украшенной площади. Не помню уже, откуда пришла беспризорница. Подошли к художнице и спрашивают:

— Тети, а мусор уберут? — Не знаю, — говорит тетя-художница, — все ушли.

Тогда беспризорница достала откуда-то тележку, убрала площадь, сложила доски на украшениями, подмели место и ушли.

ЗАПИСИ О ЛЮДЯХ

Одна молодая писательница говорит сам о себе скромно: как о знакомом великом человеке.

Седой смуглый Довженко, рассказывая об одном прославленном режиссере, сказал:

— Ему трудно, ведь он всего только человек с совещательным голосом.

Мы верю людям спокойным. Снимающимся со сложными руками, похаживая на Крылову.

Мы верю людям, носящим обровные воротники и ордена как писатели.

У них должна быть на душе лавина.

Иначе они были бы похожи на себя, а не на классиков.

На войне, на старой войне, в той первой, с веннами, на наблюдательном пункте солдаты лежали. Офицеры стояли для подкрепления духа.

Мой знакомый человек, с совещательным голосом, был вольноопределяющимся.

Сомнения раздирали его.

Он присел.

Не так и не этак.

Так и живет всю жизнь.

Быть может, Чехов отнесся бы внимательно к этому спектаклю, даже охотно похлопал бы в ладоши. Быть может, он выдал бы под свода завету молодому симоновскому театру от тех его зрителей, которые охотнее, возмущенно, декламационно воспевают, что они не знают в Гаеве, в Равенской, в Варе своих старых добрых знакомых, впервые появившихся перед ними тридцать лет назад на спектакле в Камергерском переулке. Где Гаев, тот милый трогательный чудак? Где Варя, бедная, одинокая мученица, при виде которой когда-то сжалось сердце? Почему в финальной сцене раставания, этом апофеозе печали, во время речи Гаева фыркает, удерживая смех, Аня? Где она, поэтичная чеховская деталь, лебединая песня усадьбы, старинные ароматы «Виншнего сада»?

Ю. ЮЗОВСКИЙ

О ЧЕХОВЕ, О МОЛОДОМ ТЕАТРЕ СИМОНОВА И О ЛЮДЯХ, ЛОМАЮЩИХ СТУЛЬЯ

Аня — арт. Терасова. Шерлотта — арт. Фирс — арт. Хлыстов. Яша — арт. Щорбак. Любовь Андреевна — арт. Делекторская

Центральным архивным управлением подготовлено к изданию в 1935 г. ряд научных трудов по истории дипломатических отношений царского правительства, истории революционного движения в Европе и на Востоке. По истории международных отношений паризма готовятся под редакцией Ц. Фридаманна сборники «Фрэнко-русский союз», «Продолжается работа по изданию серии «Дипломатия». В будущем году под редакцией Нечкиной выйдет

Вот планчик Вертольд полагает в тюрьме не за восстание. Тема вещь — порок и клятвопечание, созданные новым классом, — буржуазия, побеждает рыцарскую честь и отсталость. Это тема о планетарном различии и его удаче. Поэтому указания, сделанные Н. П. Демидовым на совпадение некоторых сцен пушкинского отрывка с «Жаке-ри» Мериме, не убедительны.

О ЧЕХОВЕ, О МОЛОДОМ ТЕАТРЕ СИМОНОВА И О ЛЮДЯХ, ЛОМАЮЩИХ СТУЛЬЯ

Быть может, Чехов отнесся бы внимательно к этому спектаклю, даже охотно похлопал бы в ладоши. Быть может, он выдал бы под свода завету молодому симоновскому театру от тех его зрителей, которые охотнее, возмущенно, декламационно воспевают, что они не знают в Гаеве, в Равенской, в Варе своих старых добрых знакомых, впервые появившихся перед ними тридцать лет назад на спектакле в Камергерском переулке. Где Гаев, тот милый трогательный чудак? Где Варя, бедная, одинокая мученица, при виде которой когда-то сжалось сердце? Почему в финальной сцене раставания, этом апофеозе печали, во время речи Гаева фыркает, удерживая смех, Аня? Где она, поэтичная чеховская деталь, лебединая песня усадьбы, старинные ароматы «Виншнего сада»?

Вот планчик Вертольд полагает в тюрьме не за восстание. Тема вещь — порок и клятвопечание, созданные новым классом, — буржуазия, побеждает рыцарскую честь и отсталость. Это тема о планетарном различии и его удаче. Поэтому указания, сделанные Н. П. Демидовым на совпадение некоторых сцен пушкинского отрывка с «Жаке-ри» Мериме, не убедительны.

Вот планчик Вертольд полагает в тюрьме не за восстание. Тема вещь — порок и клятвопечание, созданные новым классом, — буржуазия, побеждает рыцарскую честь и отсталость. Это тема о планетарном различии и его удаче. Поэтому указания, сделанные Н. П. Демидовым на совпадение некоторых сцен пушкинского отрывка с «Жаке-ри» Мериме, не убедительны.

О ЧЕХОВЕ, О МОЛОДОМ ТЕАТРЕ СИМОНОВА И О ЛЮДЯХ, ЛОМАЮЩИХ СТУЛЬЯ

Быть может, Чехов отнесся бы внимательно к этому спектаклю, даже охотно похлопал бы в ладоши. Быть может, он выдал бы под свода завету молодому симоновскому театру от тех его зрителей, которые охотнее, возмущенно, декламационно воспевают, что они не знают в Гаеве, в Равенской, в Варе своих старых добрых знакомых, впервые появившихся перед ними тридцать лет назад на спектакле в Камергерском переулке. Где Гаев, тот милый трогательный чудак? Где Варя, бедная, одинокая мученица, при виде которой когда-то сжалось сердце? Почему в финальной сцене раставания, этом апофеозе печали, во время речи Гаева фыркает, удерживая смех, Аня? Где она, поэтичная чеховская деталь, лебединая песня усадьбы, старинные ароматы «Виншнего сада»?

Вот планчик Вертольд полагает в тюрьме не за восстание. Тема вещь — порок и клятвопечание, созданные новым классом, — буржуазия, побеждает рыцарскую честь и отсталость. Это тема о планетарном различии и его удаче. Поэтому указания, сделанные Н. П. Демидовым на совпадение некоторых сцен пушкинского отрывка с «Жаке-ри» Мериме, не убедительны.

Вот планчик Вертольд полагает в тюрьме не за восстание. Тема вещь — порок и клятвопечание, созданные новым классом, — буржуазия, побеждает рыцарскую честь и отсталость. Это тема о планетарном различии и его удаче. Поэтому указания, сделанные Н. П. Демидовым на совпадение некоторых сцен пушкинского отрывка с «Жаке-ри» Мериме, не убедительны.

О ЧЕХОВЕ, О МОЛОДОМ ТЕАТРЕ СИМОНОВА И О ЛЮДЯХ, ЛОМАЮЩИХ СТУЛЬЯ

Вот планчик Вертольд полагает в тюрьме не за восстание. Тема вещь — порок и клятвопечание, созданные новым классом, — буржуазия, побеждает рыцарскую честь и отсталость. Это тема о планетарном различии и его удаче. Поэтому указания, сделанные Н. П. Демидовым на совпадение некоторых сцен пушкинского отрывка с «Жаке-ри» Мериме, не убедительны.

«РАБОЧИЙ КРАЙ» (Иваново) рассказывает, что в 1894 г. в дер. Горки Станиславского сельсовета, нынешнего Переславского района, скрывался от царской охраны Владимир Ильич Ленин.

«В память Ильича сегодня открываются в Горках образцовая изба-читальня. Пусть она будет лучшим проводником в сознание колхозных масс идей и заветов великого Ленина.

Открытие образцовой избы-читальни в Горках, где 40 лет назад скрывался от царских палачей и трудился ученик Маркса, великий вождь, организатор большевистской партии и пролетарской революции Владимир Ильич Ленин — большая гордость для всех колхозов и колхозников нашего района.

«ХИБНОГОРСКИЙ РАБОЧИЙ» посылает письмо своего ленинградского корреспондента, беседовавшего с главным редактором «Истории Севера» т. Рафиниом.

«План «Истории Севера» закончен и на днях будет окончательно утвержден. Авторский коллектив уже приступил к работе. Профессора Греков и Ульянов пишут историю Севера от XI до XIX в. включительно.

К работе по составлению «Истории Севера» привлечены крупнейшие специалисты — проф. Кротков, Чиркин. Все планы издания находятся сейчас на заключении М. Горького.

«ЗАБАЙКАЛЬСКИЙ РАБОЧИЙ» пишет:

«Тага к искусству и потребность в нем в нашей ОКДВА настолько велики, что в настоящий момент один театр уже не может удовлетворить всех запросов. Появилась необходимость воссоздания театра войск Забайкалья. Сейчас театр создается в Чите. В театр пришли способные молодые рабочие, красноармейцы, имеющие большой опыт в самодеятельной работе.

В создании театра принимает деятельное участие Московский театр ВЦСПС.

Эскизы худ. Б. Антоновского для мультипликационного фильма «Иосиф Швейк» (по Гашеку) начатой производством на Ленинградском кинокомбинате. Работа осталась незаконченной в связи со смертью художника.

О ЧЕХОВЕ, О МОЛОДОМ ТЕАТРЕ СИМОНОВА И О ЛЮДЯХ, ЛОМАЮЩИХ СТУЛЬЯ

Эта проблема становления современного театрального искусства. Это актуальнейшая театральная тема вообще, в которой надо вернуться специально. Второй порок? Это так называемая «идеология». Я беру это слово в кавычки, потому что имею в виду идеологию, на которую чрезмерно обращают указательный палец. Ту, которую старательно подкалывают зрители: «вот социальное, вот еще социальное и еще вот социальное». Зритель отидеологизма — ему театры эти устремлены в небо, устремлены в идеальность, чуть бы идеальность зритель? Напротив. Показушка уверяет. Длинные указательный палец торчит во втором акте. Вы помните эту сцену? Она дава в поле. Чехов удаляет всех, чтобы оставить внаеде Аня и Трофимов. Здесь Трофимов произносит обязательные речи, говорит Аня «будьте свободны, как ветер». В театре он провозносит эти слова целую кучу проказливых на вид гимназистов и гимназисток, обрванных в лужу и темной бане. Нетто в роде подпольного кружка. Все это для того, чтобы артист, но он и так понял, что лучше поля, благодаря интимности сцены! Аня, помните, произносит в заключение: «Поедем к реке! Там хорошео? Это нужно для мечтательности. для того, чтобы воздух был, простор. А вы загнали эту сцену в баню!

Надо сказать все же, что в симоновском театре этих указательных перстов вообще очень мало, они обильно волеются в других больших и малых, столичных и провинциальных театрах. Это тоже большая проблема — проблема «вульгарного социологизма», в которой тоже следует вернуться.

Улоян. Главлита В-99250.

10-ЛЕТИЮ МУЛЬТИПЛИКАЦИИ ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Первые попытки создания советских мультипликационных фильмов относятся к 1923 г. («Советские прыжки»). Н. Иванов, работы Бунина в «Культурно» работе З. Комиссаренко и А. Кузнецова. Но только в 1924 г. возник ряд крепких коллективов и ряд художников вплотную занялся созданием мультфильмов.

В 1924 г. при ГИК организовалась экспериментально-производственная мастерская. Летом этого же года вышел первый фантастический графический фильм З. Комиссаренко, Ю. Меркулова и Н. Ходатаева «Межпланетная революция» — пародия на известный фильм Протазаанова «Аэлит».

На кинопроизводстве долго не признавали самостоятельного значения мультипликация и использовались мультипликация лишь для вставок в научные фильмы, для производства небольших реклам, объявлениях напैसे. Коллектив при «Межрабпом-Русь» (Ю. Меркулов, Д. Чернес и Вань), коллектив ГИК (образовавшийся после своей ликвидации т. в. группы Ходатаева), коллектив Иванов, коллектив Цехановского в Ленинграде, организовавшаяся несколько позже обшная группа Пушину и др. вы-

нуждены были заниматься этой прикладной работой. Даже мастерские Совюзкино, возникшие в 1929—30 г., не занимались производством больших мультфильмов. Но настоятельная работа энтузиастов-художников, несмотря на отсутствие внимания в кустарных условиях приложивших свою борьбу, привела к постепенному признанию значения мультипликация и в создании на производстве условий, необходимых для этой сложной и кропотливой работы. В настоящее время существуют: фабрика художественной мультипликация при Московском кинокомбинате, фабрика рисованных фильмов при Межрабпомфинанс — одна из крупнейших в Европе (занято около 100 художников), цех мультипликация при Ленинградском кинокомбинате, мастерская при фабрике Белгоскино, мастерские при фабриках Украинфильм в Киеве и Одессе, большая мастерская при фабрике Госкинопрома Грузии в Тбилиси, мастерская при фабрике Азгоскино в Баку и ряд мелких мастерских почти на всех кинопредприятиях Союза.

ПОБЕДИЛА ТЕНДЕНЦИЯ „ЧАПАЕВА“

Говорили герои фильма — бойцы Красной армии, соратники Чапаева, организаторы большевистских побед на фронтах гражданской войны: т. Эйдеман, бывшие командиры этой дивизии — т. Кутанов и Васканов, комиссар Чапаевской дивизии т. Петриковский и др. И каждый раз по-новому выступала перед аудиторией огромная, волнующая значение той победы советской кинематографии, какой является «Чапаев». С исключительной остротой воспринималась отнюдь не всеми орациями положение: «Чапаев» — большой этап в жизни нашего кино, да, пожалуй, и не только кино, как правильно подчеркнул в своем выступлении слово т. В. Киришом; «Чапаев» — великодушное художественное обобщение, типических особенностей Красной армии эпохи 1918—19 гг.; «Чапаев» — дата, за которой следует строгое повышение критериев в оценке явлений искусства.

«Чапаев» — еще, — утверждает т. Эйдеман, — мы не имели произведения, которое так правдиво показало бы нам Красную армию и организаторскую роль партии в ней, так правильно разрешило бы сложную проблему «героя» и «массы». Талантливый Бабель увидел только отдельные яркие детали жизни и борьбы Красной армии, но не охватила этого явления целиком в его наиболее типичных чертах, а главное, совершенно проглядела ведущую роль партии.

«Трудно еще оценить в полной мере все воспитательное, даже непосредственно учебное значение «Чапаева» для нашего боевого молодняка, — дополняют т. Эйдеман тт. Кутанов и Васканов: многие кадры в фильме являются наглядным уроком военно-революционной тактики. В целом же «Чапаев» — моментальный памятник героической борьбы в эпоху гражданской войны. Он рассказывает и покажет даже отдаленным потомкам, то чего не сумеем сделать тысячи книг.

Такой же возмущенностью дышат и речи писателей — Демьяна Бедного, В. Киришона, М. Шагинян и А. Суркова. Все они говорят о «Чапаеве», как о крупнейшем событии, как о замечательной победе большевистской идейности в искусстве. Тов. Сурков останавливается, в связи с этим положением, на полемике, возникшей по вопросу о тенденциях в советском искусстве между «Литературной газетой» и «Комсомольской правдой». Оратор считает неправильными позиции, занятые в этом споре «Комсомольской правдой» и руководителем ГИК т. Пушанкиным. Объективнее — это позиция поддержки идейно-высокопоставленного, беспримесно «всесоюзного» искусства, которое призвано по-

На вечер, посвященный «Чапаеву», в Доме советского писателя. На снимке слева направо Фурманова, Киришом, Маршук Попова (пулеметчица Чапаевской дивизии). Фото С. Шингарева.

НОВЫЕ МУЛЬТФИЛЬМЫ

* Художник Цехановский на Ленинградской ф-ке работает над графическим фильмом «Блоха» по Пушкину. Музыка для фильма написана композитором Д. Штокоповичем. * Художник Левандовский работает на Одесской ф-ке над двумя детскими мультипликационными фильмами. * Группа реж. Мурашири работает в Тифлисской ф-ке над художественным мультфильмом «Погона за солнцем». * Группа художников делает на Банинской ф-ке мультипликационный фильм «Беда Аласа».

ХУДОЖНИКИ НА СТРОИТЕЛЬСТВЕ КАНАЛА МОСКВА-ВОЛГА

30 ноября Клуб мастеров искусств организовал выезд группы крупнейших московских художников в Дмитров на строительство канала Москва-Волга. В поездке принял участие заслуженные деятели искусства П. Кузнецов, Д. Моор, Д. Штеренберг, В. Татлин, С. Герасимов, И. Машков и др.

в Колонном зале Дома союзов

С большим подъемом прошло и обсуждение «Чапаева», организованное 30-го утром в Колонном зале Дома союзов СОНО. Главным управленцем кино-фотопромышленности и редакция газеты «Труд». Аудитория состояла из лучших ударников московских предприятий. Многие ударники тт. Бляхин (завод им. Сталина), т. Старостин (Трехгорная мануфактура), Спесарев («Шарикоподшипник»), красноармеец Маспобоев, иваново-вознесенский ткач, бывший комиссар полка Чапаевской дивизии, Чухнин и др. рассказывали о том увлечении, которое испытывает массовый зритель, попадая в кинотеатры, где идет «Чапаев».

С большим вниманием была выслушана речь поэта А. Безыменского, призванного работников всего фронта советского искусства извлечь необходимые уроки из того потрясающего успеха, какой выпал на долю «Чапаева». Тов. Безыменский подчеркивает, что причина этого успеха — в подлинно социалистическом реализме фильма, в его глубокой идейности.

«Жестко ошибаются те, которые думают, что некоторые жанры, например, комедия можно освободить от идейной нагрузки нашего времени, от конкретности советской обстановки, от биния коммунистической мысли.

Вот почему я и многие советские писатели радуемся тому, что «Чапаев», по нашему мнению, прогоспосвал против фильма «Веселые ребята», который вы в скором времени увидите. «Чапаев» говорит: «Да здравствуют все виды советского искусства, в том числе и комедия, но я — против хорошо записанного, прекрасного сфотографированного, но в общем плохого и несмысленного перепева с заграничных боевиков».

В обсуждении «Чапаева» приняла также участие Авад. Бех, т. Шумицкий, Александр Чапаев (сын героя фильма), режиссер Любимов-Ланский, постановщики и актерский коллектив «Чапаева» — братья Васильевы, Бабочкин, Блинов, Масникова и др.

ОТКРЫТ МУЗЕЙ МАЛОГО ТЕАТРА

Третьего дня в Малом театре состоялось открытие музея, в котором сосредоточен обширный фотографический, макетный и музейный материал по истории старейшего русского театра. Дирекция Малого театра ставит своей задачей превратить музей в базу развернувшейся сейчас обширной научно-исследовательской работы и в средство живого общения с артистической массой.

Об этих установках музея Малого театра сообщили собравшимся на открытии директор театра т. С. И. Амалогипов, руководитель музея В. А. Филиппов и научный сотрудник театра Н. И. Бродский.

После осмотра экспонатов состоялось прослушание хранищихся в музее граммофонных пластинок с записями образцов художественного чтения Федотовой («Воевода» и «Василиса Мелентьевна»), Давыдова (Василиса Мелентьевна), Ермоловой и Южина (Чацкая, Орелю).

В заключение народная артистка республики А. А. Яблонская поделилась своими воспоминаниями о Гликевиче Николаевне Федотовой, а заслуженный артист республики М. Ф. Ленин прочитал несколько глав из подготовленной к печати издательством «Academia» книги об Александре Павловиче Ленском.

В ДЕКАБРЕ ВЫХОДИТ СПЕЦИАЛЬНЫЙ СРЕДНЕ-АЗИАТСКИЙ СБОРНИК ЖУРНАЛА

Сборник имеет формат «Огонек», 80 страниц на плотной бумаге в многокрасочной обложке. СОДЕРЖАНИЕ СБОРНИКА. А. Бунуидзе — Статьи к юбилею национально-революционного деятеля Азии. А. Талиев — Победа ленинско-сталинской национальной революции (статья). Файзулла Ходжаев — Утро девушки Сунбуль (стихи). В. Киз — Старый и новый Ташкент (очерк). Файзулла Ходжаев — За новые победы (статья). М. Гафизов — Ташкент (очерк). Гайрат — Поэт (стихи). А. Рухнов — Мест Худояра-Хана (очерк). Ю. Кий — Кызыл-акеры (очерк). Юр. Яковлев — Каракулий фронт (очерк). В. Кербашев — Песнь бакин (стихи). Айтаков — 10 лет Советской Туркмении (статья). Образ Таш Назаров — Пасхальце (стихи). Образ Таш Назаров — Ленинский сад (стихи). М. Гафизов — Республика золотого солнца (очерк). Вер. М. Гафизов — От маскарбадо до Гамлета (очерк). Хаким Карим — Молчаливый (рассказ). Сельма Кокомов (статья). Лазути — Корреспондентка (стихи). Галин — Ходжаев (стихи). Г. Санников — Ходжаев — Пасхальце (стихи). Выходит (стихи). Евад. Бунуидзе — Оглядывать новелл. К. Селов — Натопит Ширингов (очерк). Гайрат — На аэродроме (стихи). А. Печковский — Заблуждения стройка (очерк).

В номере свыше 100 художественных фотоллюстрация, выполненных способом медно-травя. Цена 3 руб. 50 коп. Заказы направлять: Москва, 6, Страстной бульвар, 11, Жургосиздательство.

О СОВЕТСКОЙ НОВЕЛЛЕ

Совещание по вопросу о советской новелле, состоявшее редакцией журнала «Знамя», должно быть признано удачным началом в постановке столь своевременной и важной дискуссии.

Совершенно неизбежно, конечно, в центре всеобщего внимания должен был оказаться вопрос о самой природе новеллы. Где граница, отделяющая ее от рассказа, повести, романа? Каковы исторические предпосылки рождения и расцвета новеллы? В каком направлении должны идти исследования советского художника, желающего овладеть этим труднейшим видом литературы?

Никто из выступавших (т. Никитин, Рейзин, Мстиславский, Исабах, Лейтес, Л. Рубинштейн, Тарасенко, Мунблит и др.) не настаивал на безусловности своих формулировок.

В целом все выступавшие были единодушны: в констатировании факта, что у нас новелле не повезло. Причины эти, по мнению тт. Мстиславского, Лейтеса, Мунблита — в давлении материала, огромного, многообразного, в наступлении самой действительности. А искусство новеллы, больше, чем всякое другое, возможно лишь на основе прочного освоенного материала. Характер в новелле, полагают некоторые, должен быть показан сложившимся, оформившимся уже с самого начала, а не в процессе его становления.

Но при этом возникает и определенная опасность. На нее указал тов. А. Исабах. Это — опасность анимационных превращений, ухода от правды. Не обязан советский писатель быть «универсалистом», он может взять в основу новеллы лишь одно явление, но нужно, чтобы для читателя этим явлением не истерпялось все: он должен угадывать за ним искусство, сложную и богатую действительность.

Возможен ли и неизбежен ли стандартный тип новеллы? На этот вопрос большинство отвечает отрицательно: стандартного типа новеллы не знает и мировая литература. Но одна особенность для советской литературы является обязательной: это — заостренная сюжетность, вне которой новелла рискует превратиться в импрессионистские наброски. Особенно настойчиво подчеркивает это положение Л. Никитин.

Но «Знамя» не думает ограничиться одной только пропагандой новеллы. Журнал, по сообщению его редактора т. Рейзина, берет на себя и более сложное обязательство: приступить к энергичной организации этого нового литературного жанра. С этой целью редакция журнала «Знамя» будет в наступающем году главным образом ориентироваться на перевод, обьявляясь ежемесячно премии за лучшую новеллу, намечается ряд специальных творческих командировок в Красную армию и флот и т. д.

Почти «Знамя» должен быть учтен и другими журналами. ДЕЛЬМАН.

Ответственный редактор А. А. БОЛОТНИКОВ. ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное объединение.

ИЗДАТЕЛЬСТВО: Москва, Страстной бульвар, 11, тел. 4-68-18 и 3-54-69. РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретенная, Последний пер. А. 26, телеф. 69-61 и 4-34-80.

2-3 декабря

АКТЕРСКАЯ СЕКЦИЯ. 12 декабря доклад пред. МСАРЖО И. И. Билинова «Культура живого слова». Пом. ВТО. Нач. в 8 ч. веч.

ТЕАТРОВЕДЧЕСКАЯ СЕКЦИЯ. 8 декабря доклад проф. С. Д. Валуцкого (Ленинград) «Драматургия Чехова». Дом печати (Нахит. 6. 8а). Нач. в 8 ч. веч.

РЕЖИССЕРСКАЯ СЕКЦИЯ. 8 декабря вальсина симфония по изучению внутренней техники актера под руководством преподавателя школы театра им. Вахтангова. Помещение театра им. Вахтангова. Нач. ровно в 9 ч. 30 м. утра.